

А.В. Павлов

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ В XXI ВЕКЕ: ГИПЕРМОДЕРНИЗМ

Александр Владимирович Павлов – кандидат юридических наук, доцент Школы философии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: apavlov@hse.ru; ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ale-pavlov@yandex.ru

В рамках социально-философского и культурологического течения, получившего зонтичный термин «постпостмодернизм», существует несколько концепций, предлагающих язык описания новой эпохи. Одной из наиболее востребованных версий постпостмодернизма оказался «гипермодернизм». Используя историко-философскую методологию, критический анализ, контекстуализм, а также методологию современных социальных теорий и теории культуры, автор определяет для себя цель ответить на вопрос, может ли социальная теория гипермодернизма быть адекватной альтернативой постмодернизму. Для этого автор решает несколько задач – рассматривает три версии гипермодернизма в порядке их появления, по возможности проводит их сопоставительный анализ (потому что, как и в случае с периодом становления «теории» постмодерна, гипермодернизм понимался по-разному) и, наконец, критически рассматривает наиболее популярные концепции гипермодернизма. Во-первых, версию канадских политических теоретиков Артура Крокера и Дэвида Кука, предложивших понимать гипермодерн как альтернативу постмодерну еще в середине 1980-х. Под влиянием идей Жана Бодрийера они акцентировали внимание на трансформациях эстетики в новую эпоху (гиперэстетика «отходов» против антиэстетики постмодерна). Позже Артур Крокер и Мэрилуиза Крокер употребили термин в контексте «тезиса об исчезновении тела». Во-вторых, британский теоретик медиа Джон Армитадж попытался описать «дромологию» французского социального философа Поля Вирилио как «гипермодернистскую». Однако ни первая, ни вторая концепция гипермодерна не получили широкого распространения. В-третьих, наиболее популярной версией «времени гипермодерна» (гипериндивидуализма и гиперконсюмеризма) оказалась теория французского социального философа Жюль Липовецкого. Сегодня известна и востребована именно она: некоторые социологи во Франции и англоязычном мире развивают его идеи. Однако даже она не получила широкого влияния и, как заключает автор статьи, опираясь на историю критики теории, может считаться «слабой альтернативой» постмодерну.

Ключевые слова: постмодерн, постпостмодернизм, гипермодернизм, гиперреальность, философия культуры, социальная философия, тело, Липовецкий

Для цитирования: Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 20–33.

С постмодернизмом как со стилем искусства и исторической эпохой начали прощаться еще в 1980-е. Но его эпоха закончилась в 2000-х, когда все ключевые теоретики постмодерна от него отказались. Так, канадская исследовательница литературы Линда Хатчеон в 2002 году заявила о том, что постмодернизм остался в прошлом, и объявила об открытом конкурсе на новый язык описания культурного состояния западного общества¹. Она писала: «Постпостмодернизм нуждается в новом собственном ярлыке, и я подвожу итог: бросаю вызов читателям самостоятельно найти его и дать ему имя собственное в двадцать первом веке»². После чего появилось несколько конкурирующих теорий, объединенных единым термином «постпостмодернизм», – альтермодернизм, метамодернизм, диджимодернизм, автомодернизм, космодернизм и др.³ У каждой из этих теорий был свой автор, а у некоторых – даже последователи, пытающиеся развивать интуиции первопроходцев.

Однако существует концепция, с которой дела обстоят не так просто, как с другими. Это концепция гипермодернизма. С одной стороны, у нее есть автор и даже время рождения (2004 год). Предложил описывать западное общество как «гипермодернистское» французский социальный философ Жиль Липовецкий. С другой стороны, в отличие от прочих концепций постпостмодернизма, попытки содержательного наполнения понятия «гипермодерн» имели место задолго до того, как на термин обратил внимание Липовецкий. Это несоответствие – существование как минимум трех разных концепций гипермодернизма – создает наибольшую близость «теории» к теориям постмодерна: точно так же в течение долгого времени авторы понимали под «постмодерном» разное, чаще всего вступая в противоречия и создавая, как отмечает марксист Перри Андерсон, необходимые для теории «полярности»⁴. Таким образом, цель и задачи настоящей статьи состоят в следующем: адекватно представить три концепции гипермодерна и проследить их эволюцию, чтобы проверить их эвристическую ценность. Тем самым мы сможем понять, имеет ли гипермодернизм право заявлять свои претензии на то, чтобы быть альтернативой постмодерну. Между понятиями «гипермодерн» и «гипермодернизм» существует напряжение. Как правило, если слово используется без суффикса «-изм», то под ним подразумевается исторический период. Под «постмодернизмом» и «гипермодернизмом» подразумеваются интеллектуальные течения. В данной статье понятия «постмодернизм» и «постмодерн», а также «гипермодерн» и «гипермодернизм» употребляются как синонимичные.

¹ Такие концепции возникали еще до реплики Хатчеон. См.: Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М., 2017. Следует отметить, что русский перевод термина, который использует Оже, как «гипермодерн» некорректный. Автор говорит именно о «сверхмодернизме» («surmodernité»). См. оригинал: Augé M. Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité. Seuil, 1992.

² Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. N. Y.; L., 2002. P. 181.

³ См.: Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century. N. Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2015.

⁴ Андерсон П. Истоки постмодерна. М., 2011. С. 127–132.

Исчезновение и трансформация тела в гипермодерне

Канадские политические теоретики Артур Крокер и Дэвид Кук в середине 1980-х предложили в качестве альтернативы постмодерну «ультрамо-дерн»⁵. В своей книге «Постмодернистская сцена. Экскрементная культура и гиперэстетика» авторы заимствовали не только понятия из социальной философии Бодрийяра (гиперреализм, гиперэстетика, имплозия), но и сам стиль его рассуждений, а вместе с ним – и его мрачную ироничную тональность⁶. Уже в подзаголовке книги содержится диагноз авторов современной культуре – культура экскрементов, испражнений и отходов. Крокер и Кук, выдвигая тезис «Забыть Бодрийяра», считают, что культура должна быть описана в новых категориях – не столько как постмодернизм и антиэстетика⁷, сколько как ультрамодернизм и гиперэстетика. Скорее всего, это была первая попытка если не предложить стройную концепцию постпостмодернизма, то хотя бы начать разговор о новом культурном режиме западного мира. Противопоставляя постмодерн и ультрамодерн, Крокер и Кук заявляли, что новое сознание «в сумеречное время ультрамодернизма (технологий) и гиперпримитивизма (общественных настроений) раскрывает великую дугу распада и разложения на фоне радиации пародии, китча и выгорания»⁸.

Однако для того, чтобы сказать что-то содержательное об ультрамодернизме, авторам было необходимо предложить свое понимание постмодерна: «Это то, что происходит в вашем местном театре, телевизионной студии, офисной башне, кабинете врача или секс-шопе. Это не начало чего-то нового или конец чего-то старого, но катастрофа, возможная благодаря веселью, имплозии современной культуры в целой серии панических сцен в *fin-de-millennium*»⁹. Крокер и Кук, описывая актуальное социальное состояние, вводят категорию паники, которая сопровождается упадком во всех областях культуры и политики. И потому главным признаком ультрамодерна теоретики считают то, что в этом культурном режиме мир находится в «руинах». Вместе с тем авторы не предлагают содержательного описания термина, кажется, приглашая читателей самим фантазировать на тему культурного декаданса. Другое дело, что ультрамодерн для них остается крайним выражением постмодернистского настроения. Примером такого «постмодернистского настроения» Крокер и Кук называют ранние работы художника Эрика Фишля, которые существуют на грани экстаза и распада и в которых отображается потребительская культура пассивных нигилистов, в результате катастрофического взрыва переходящая в свою противоположность – в суицидальный нигилизм экскрементной культуры.

Отметим, что на страницах книги «Сцена постмодерна» Крокера и Кука впервые появляется термин «гиперсовременность». Авторы писали: «Ныне

⁵ Слово «ультрамодерн» было известно задолго до них и, как указывает Перри Андерсон, в первоначальном смысле означало не то, что больше, а то, что меньше модерна. Так, искусствовед Федерико де Онис считал, что ультрамодернизм, вытесняя постмодернизм, должен был вывести радикальные импульсы модернизма на новый уровень. См.: Андерсон П. Указ. соч. С. 11–12.

⁶ Kroker A., Cook D. *The Postmodern Scene. Excremental Culture and Hyper-Aesthetics*. Montreal, 1986.

⁷ Имелась в виду концепция Хэла Фостера: Foster H. *Postmodernism: A Preface // The Anti-aesthetic: Essays on postmodern culture*. Port Townsend, 1983. P. ix – xvi.

⁸ Kroker A., Cook D. *Op. cit.* P. 8.

⁹ Ibid. P. ii – iii.

мы живем в гиперсовременном мире, где панический шум (электронный саундтрек по телевизору, рок-музыка в эпоху развитого капитализма, белый звук во всех “футурошопах”) представляет собой своего рода аффективную голограмму, обеспечивающую видимость согласованности для реальности взрывающейся внутрь себя культуры»¹⁰. Несмотря на то что термин «гипермодерн» возникает у Крокера и Кука единожды, Артур Крокер и Мэрилуиза Крокер употребили в дальнейшей работе именно его. В 1988 году они выпустили антологию текстов «Похитители тел. Состояние постмодерна и сексуальность». Словосочетание «состояние постмодерна» не должно заставить думать, будто они отказались от идеи постпостмодернизма – авторы все еще развивали именно эту интуицию. В первом же блоке статей «Захватчики тел» представлено эссе «Тезис об исчезновении тела в состоянии гипермодерна»¹¹. К сожалению, авторы и в этом случае не объясняют, что такое «состояние гипермодерна», зато теперь становится ясно, что их более всего интересует не политика и культура, а телесность. Из старых примеров для Крокеров осталось важным творчество Вудмен, в котором отражалась причудливость телесных трансформаций. Мы можем предположить, что при гипермодерне тело трансформируется скорее биологически, нежели технологически (ситуация, характерная скорее для постмодерна)¹².

В эпоху поздней современности тело исчезает в качестве материального. При гипермодерне, как считают Крокеры, тело подчиняется индустрии моды так же, «как кожа сама по себе трансформируется в экранный эффект ради отчаянного поиска желания после желания». Авторы пишут: «В действительности тело достигло чисто риторического существования: его реальность такова, что отказ от него изгоняется как излишек, более не необходимый для функционирования техноландшафта. По иронии судьбы, однако, когда тело превращается в практику пропавшей материи общества, оно, наконец, освобождается от риторического центра потерянного субъекта желания после желания»¹³. Неслучайно именно в 1985 году появляется линейка духов Christian Dior «Poison»: косметические компании предложили буквально «яд», чтобы женщины могли добровольно наносить его на свои тела. Захват тела гипермодерна – это проекция зла в форме различных вирусов и эпидемий.

Но, по сути, текст Крокеров сегодня представляется яркой иллюстрацией общего теоретического и политико-культурного дискурса 1980-х годов – «паники вокруг тела», хорошо описанной культурологом Питером Найтом¹⁴. И потому очень важно заметить, что концепция Крокеров затрагивала один аспект новой «современности». Это случайное обращение к гипермодерну в контексте «тезиса об исчезновении тела» можно было бы не упоминать, если бы идея «тела в гипермодерне» не получила развитие. В 2005 году социолог Иван Варга обратился к тем же вопросам. С одной стороны, он сохранил интерес к гиперсовременности, а с другой – назвал тело главным

¹⁰ Kroker A., Cook D. Op. cit. P. 247.

¹¹ Kroker A., Kroker M. Theses on the Disappearing Body in the Hyper-Modern Condition // Body Invaders. Sexuality and the Postmodern Condition. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; L., 1988. P. 20–34.

¹² О «новой онтологии» гибридных тел в понимании Харуэй см.: Митрофанова А. Киборг как код новой онтологии. Политические и эпистемологические аспекты гибридных тел // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 109–128.

¹³ Kroker A., Kroker M. Op. cit. P. 21.

¹⁴ Найт П. Культура заговора. М., 2010.

проблемным полем нового социального состояния. Варга не многое говорит о гипермодерне, но все же поясняет суть понятия и разницу между ним и постмодерном. Сам постмодерн, с точки зрения Варги, представляет собой избыток модерна и одновременно выражает кризис модерна. Но как современность не порывала с досовременным миром, так и постмодерн не порывает с модерном, а гипермодерн в свою очередь – с постмодерном. Вместо этого гипермодерн усиливает характеристики, которые присущи постмодерну. Более того, в публичных репрезентациях тела происходит возвращение к домодернистским обычаям – украшениям, татуажу, пирсингу и т. д. Но это не попытка вернуться к модерну, а лишь признак нестабильного положения индивидов в новом социальном состоянии.

Чтобы пояснить, что он имеет в виду, Варга упоминает известное эссе французского антрополога Марселя Мосса «Техники тела», заявляя, что в ситуации гипермодерна мы ведем речь не о техниках (в досовременных обществах люди точно знали, что делать с телом, чтобы сформировать свою идентичность), но о технологиях тела, представленных в том числе в сетевом пространстве. Если раньше люди делали пирсинг или татуировки, чтобы принадлежать конкретному коллективу, теперь они делают то же самое, чтобы показать свою индивидуальность¹⁵. Но нам необходимо понять, почему Варга выбирает новый термин. Делает он это не просто потому, что постмодерн перестал быть актуальным, но потому, что западные общества, с его точки зрения, перешли на очередную стадию развития, когда технологии позволяют осуществлять с телами доселе невиданные манипуляции – лечение болезней или косметические операции с использованием исследований стволовых клеток. Появилась возможность получать детей, «сделанных на заказ», выбирать их пол, рост, цвет волос, глаз, оттенок кожи. «Виртуальная реальность» тоже своеобразным способом «разрушает» тело, так как порнография, «виртуальный секс» уменьшает частоту повседневных интимных взаимодействий. Объект либидо превращается в образ, так как в Сети можно представить любую картинку – по желанию того, кто ее создает, или того, кто ее получает.

Варга не солидаризуется с Крокерами, но, конечно, обращается к ним, замечая, что «виртуальная реальность» разлагает тело. Несмотря на то что преимущества Интернета неоспоримы, соблазны виртуального флирта и альтернативного секса для межличностных отношений и телесных взаимодействий уменьшают воображение. Поэтому понятно, что Крокеры – хотя и преувеличенно – справедливо утверждают, что тело стало симулякром. Таким образом, при гипермодерне в представлении Варги сакральным становится не индивидуум, но тело. «Постмодернистскую культуру лучше всего сравнить с хаосом, а не с порядком космоса. Поэтому неудивительно, что человек, который живет под давлением повседневной жизни и в ситуации ценностной неопределенности, обращает основное внимание на тело. Но можно было бы усомниться в том, что в обществе, в культуре которого доминируют СМИ и популярная культура, древнеримский идеал *mens sana in corpore sano* (“в здоровом теле здоровый дух”) по-прежнему актуален и реализуем»¹⁶. Постмодерн в значительной степени осуществляет разделение ума и тела, отдавая предпочтение последнему. Для Варги озабоченность телом и телесными процессами является ярким свидетельством того, что

¹⁵ Varga I. The Body – The New Sacred? The Body in Hypermodernity // Current Sociology. 2005. Vol. 53(2). P. 211–212.

¹⁶ Ibid. P. 231.

тело стало священным в ситуации гипермодерна. Однако в итоге актуальной окажется совсем иная концепция гипермодерна, а философия телесности выделится в отдельную дисциплину.

Приписывание теории

Куда более интересной оказалась стратегия исследователя медиа Джона Армитаджа, которую уже опробовали канадцы Крокер и Кук. Если последние попытались описать культуру гипермодерна как альтернативу постмодерну, призвав на помощь теорию Бодрийяра, то Армитадж обратился к другому французу – философу Полью Вирилио. Разница в стратегиях Кука/Крокера и Армитаджа очевидна. Несмотря на то что Вирилио никогда не прибегал к тому, чтобы описывать социальное и культурное состояние конца XX века как «гиперсовременное», Армитадж концептуализировал теорию французского критика. В 2000 году Армитадж выпустил книгу «Поль Вирилио: от модернизма к гипермодернизму и обратно». Во введении автор попытался доказать, что Вирилио, которого некоторые авторы называют постмодернистом или постструктуралистом, на самом деле не имеет с последним ничего общего. Армитадж предложил несколько аргументов.

Во-первых, теория культуры Вирилио опирается на традиции модернизма в науке и искусстве: философ часто отсылал к работам Кафки и Хаксли, Маринетти и Дюшана, Гуссерля и Мерло-Понти. Во-вторых, сам Вирилио не видит никаких связей с постструктурализмом и, будучи антимарксистом, остается в пределах философской традиции экзистенциализма и феноменологии, а также является гуманистом и практикующим христианином. В-третьих, Вирилио не осуждает современность тотально. Скорее он рассматривает свою культурную теорию как «критический анализ современности, но через восприятие технологии». И несмотря на репутацию «технологической Кассандры», Вирилио настаивает на том, что его концепция современности по существу оптимистична. В-четвертых, работа Вирилио остается верной принципу надежды в отношении осмысления истории. И потому Армитадж заключает: «Именно поэтому, на мой взгляд, предпочтительнее интерпретировать это как работу теоретика культуры, чье мышление затрагивает то, что можно назвать вопросом гипермодернизма или, возможно, в качестве альтернативы “культурной логикой позднего милитаризма”»¹⁷.

Вопрос в том, можно ли описать социальную теорию Вирилио как «гипермодерн». Строго говоря, да. И хотя сам Вирилио часто позволяет себе оценочные суждения относительно внешней военной политики Соединенных Штатов¹⁸, у него есть много проницательных размышлений относительно нового мирового состояния культуры, в частности о том, что «сегодня скорость – это война, последняя война»¹⁹. Он также рассуждает о предельном ускорении коммуникаций, что приводит к ускорению времени, реально-го времени «коммуникаций, выполняющих релятивистское сжатие “реально-го пространства” Земли путем искусственного сжатия обменов изображения

¹⁷ Armitage J. Introduction // Paul Virilio: From Modernism to Hypermodernism and Beyond. L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2000. P. 6–9.

¹⁸ Вирилио П. Стратегия обмана // Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 119–173.

¹⁹ Virilio P. Speed & Politics: An Essay on Dromology. N. Y., 1986. P. 139.

мира. Отныне не существует “здесь”, но существует “сейчас”»²⁰. С точки зрения Вирилио, ядерную бомбу сменит бомба информационная и глобальное противостояние перейдет из холодной войны в «информационное оледенение»²¹. Иными словами, все это суть концепции Вирилио, получившие название «дромология»: в рамках своей работы автор анализирует исчезновение физических расстояний и препятствий в связи с возрастающим значением скорости; пространство сменилось временем, а материальное было вытеснено нематериальным.

Однако идею гипермодерна, связанную с «технополитикой», сформировал именно Армитадж. Он определяет отказ от бинарного антагонизма между модернизмом и постмодернизмом посредством признания остроты «гипермодерна». Для него гиперсовременность представляет отказ от противостояния между модернизмом и постмодернизмом и предлагает ответ на кризис современной культуры. Таким образом, Армитадж отказывается от префикса «пост» и заменяет его префиксом «гипер», что означает «избыток». Гипермодернизм не является ни отрицанием господствующего эпистемологического оптимизма модерна, ни уклонением от теоретического пессимизма постмодерна. Скорее он олицетворяет «продолжение модернизма другими средствами». Чтобы соблюсти «авторское право», Армитадж, описав Вирилио как критика постмодерна, скромно предложил в интервью гипермодернистскую «интерпретацию» концепции Вирилио.

На прямой вопрос о том, можно ли его теорию назвать «гипермодернизмом», Вирилио ответил: «Что касается “гипер” или “сверх” модернизма, думаю, что мы еще не вышли из современности. Думаю, что современность прекратит свое существование лишь в рамках того, что я называю “интегральной аварией” (...). Я считаю, что техническую современность, современность, принятую как результат технических изобретений за последние два столетия, можно остановить лишь интегральной экологической катастрофой, которую я в некотором смысле и прогнозирую»²². Обратим внимание, что в цитате фигурирует префикс «сверх». Для Армитаджа это, кажется, были синонимы, хотя этот префикс до этого использовал французский антрополог Марк Оже (к слову, «избыток» – тоже слово из лексикона Оже)²³. В одном из примечаний к интервью сам Армитадж отметил: «“Гипермодернизм” – термин, который я резервирую для моей будущей книги о Вирилио»²⁴. И хотя у него вышла не одна книга, посвященная идеям Вирилио, кажется, с этим термином он решил не связывать ни свою судьбу, ни концепцию Вирилио, потому что монографии с таким названием у Армитаджа нет²⁵. Собственно говоря, и в той книге кроме заглавия термин фигурирует лишь во введении и в интервью – то есть исключительно в текстах Армитаджа. Зафиксируем: гипермодерн теперь связывается не с телом, но с более широким контекстом культуры.

²⁰ Вирилио П. Информационная бомба // Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М., 2002. С. 92–93.

²¹ Там же. С. 107.

²² Armitage J. From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An Interview with Paul Virilio // Paul Virilio: From Modernism to Hypermodernism and Beyond. L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2000. P. 26.

²³ Оже М. Указ. соч.

²⁴ Armitage J. From Modernism to Hypermodernism and Beyond. P. 52.

²⁵ Virilio now: current perspectives in Virilio studies / Ed. by J. Armitage. Cambridge, 2011; Armitage J. Virilio and the Media. L., 2012; Armitage J. Virilio for architects. N. Y., 2015.

Версия Жилия Липовецкого

Наибольшую популярность получила теория гипермодерна, развитая Жилем Липовецким. Идеи, получившие название «гипермодерн», Липовецкий сформулировал еще в 1983 году, когда вышла его работа «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме». Тогда Липовецкий, с одной стороны, заговорил о новой фазе в истории современного индивидуализма, а с другой – начал атаку на постмодерн – термин, который, кажется, не удовлетворял его никогда. В главе «Потребление и гедонизм: к постмодернистскому обществу» Липовецкий излагает не собственные взгляды, но пересказывает тезисы Дэниела Бэлла, не предлагая при этом каких-то комментариев, тем самым, видимо, солидаризируясь с позицией Бэлла. Так, исторически постмодерн начинает свое восхождение в 1960-е, вместе с контркультурным движением, когда вслед за революцией в искусстве происходит «революция будней». Лишенный подлинного новаторства и смелости, постмодернизм всего лишь демократизировал гедонизм²⁶. В отличие от общества модерна, желавшего порвать со старыми социальными нормами, постмодернистское общество не апеллирует к идее светлого будущего; а потому не имеющее каких-либо идеалов общество постмодерна являет собой общество равнодушия и опустошения.

Несмотря на то что тон «Эры пустоты» пессимистичный, это не означает, что Липовецкий всегда оставался обличителем современности: иногда он находил позитивные тенденции в актуальной культуре. В частности, в другой, более поздней книге он связывает надежды на либерализм с модой, которую, впрочем, тоже критикует²⁷. Но наряду с этим он считает моду агентом движения к консолидации либеральных обществ. Социальный теоретик Джордж Ритцер приходит к выводу, что философию Липовецкого можно назвать «постпостмодернистской». Так как «именно за отрицание таких важнейших явлений, как мода (а также либерализм, демократия и т. д.), Липовецкий критикует постструктуралистов/постмодернистов и других теоретиков (например, представителей критической теории)»²⁸.

Постмодернизм для Липовецкого в итоге становится коротким переходным этапом между классическим модерном и новым модерном. И потому гипермодерн не уничтожает модерн, но является его предельным развитием, модернизацией самого модерна. Точно так же гипермодерн не противопоставляет себя прошлому: вместо этого осколочное прошлое само оказывается вплетенным в структуру рыночных отношений настоящего. Время гипермодерна подвижно, пластично и всегда готово к переменам. Ныне, хотя за «абсолютным настоящим» может скрываться пустота прошлого и будущего, они не отсутствуют полностью. Так, «абсолютное настоящее не является тем, что структурирует гипермодерн, который скорее структурирует парадоксальное настоящее – настоящее, которое непрестанно эксгумирует и “переоткрывает” прошлое»²⁹.

²⁶ Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001. С. 157.

²⁷ Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе. М., 2012.

²⁸ Ритцер Д. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 109–110, 560.

²⁹ Lipovetsky G. Time Against Time, or The Hypermodern Society // Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century. N. Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2015. P. 149.

Во «Временах гипермодерна» философ перефразирует знаменитый кантовский вопрос, который теперь звучит как «Что такое модерн?», и формулирует тезис о гипермодернизме как втором модерне. Но это «модерн на оборот». Если эпоха Просвещения является синонимом взросления, то эпоха гипермодерна, напротив, – возвращением в детство, что по сути означает инфантилизацию общества. Гипермодернизм, по мнению Липовецкого, представляет собой пассивную фазу логики потребления. Но если потребление было главной чертой постмодерна, теперь ситуация изменилась. Ныне философ считает, что термин «постмодернизм» вообще неудачный, поскольку мы не можем говорить о полном исчезновении модерна. Тем самым гипермодернизм продолжает логику модерна, включая в себя некоторые элементы, присущие обществу постмодерна.

«Вторая эпоха модерна» разворачивается в условиях экономического и политического дерегулирования и процессов глобализации. Гипермодерн находился за пределами политики, оставаясь радикальным в рамках «технологий, медиа, экономики, городского планирования, потребления и индивидуальной патологии»³⁰. Главный знак, помогающий понять новую эпоху, – префикс «гипер». Так, гипериндивидуализм и гиперконсюмеризм являются разными аспектами единой логики гипермодернизма. Кроме того, происходит разрыв в восприятии темпоральности, между восприятием прошлого, настоящего и будущего, что порождает появление такой категории, как «социальное время», которое является катализатором для возникновения новых социальных конфликтов. Этот разрыв усиливается при сопоставлении социального и рабочего времени: когда человек сознательно концентрируется на работе, чтобы обеспечить себе комфортное существование в «социальном времени», у него возникает чувство дереализации в настоящем.

Но Липовецкий в очередной раз все переосмыслил. В 2013 году выходит его книга «Эстетизация мира». В этой работе, как и прежде, он прибегает к философии культуры, чтобы найти что-то положительное в ситуации нового модерна, до этого казавшейся ему негативной. Связывая модерн и гипермодерн, в этот раз Липовецкий предлагает концепцию «творческого капитализма» в ее третьей фазе. Первая фаза творческого капитализма датируется XIX веком, вторая связывается с возникновением и распространением американского кинематографа. Вплоть до 1950 года кино представляло собой наиболее популярную форму развлечения в среде рабочего класса. В третью же эпоху происходит радикальный разрыв с классическими принципами искусства и утверждение концепции «*трансэстетики*», рассматриваемой в контексте коммерческого и массового искусства³¹.

Рассуждения о «гипермодерне» теперь строятся вокруг возможностей капитализма, порождающего феномен гиперпотребления. Так как современность для Липовецкого не завершилась, то гипермодернизм не отрицает, но все еще возвращается к ее логике, но теперь утверждает творческую способность капитализма. К положительной стороне гипермодерна Липовецкий

³⁰ Lipovetsky G. Time Against Time, or The Hypermodern Society // Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century. N. Y.; L.; New Delhi; Sydney, 2015. P. 144.

³¹ См.: Lipovetsky G., Serroy J. L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste. Paris, 2014. Ключевые идеи этой книги автор высказал в интервью, доступном на английском языке: Lipovetsky G. On Artistic Capitalism // Crash Magazine. 2018. January. No. 65. URL: <http://www.crash.fr/on-artistic-capitalism-by-gilles-lipovetsky-crash-65/> (дата обращения: 16.01.2018).

относит то, что неограниченное потребление в эру гипермодерна перерастает в свою противоположность и появляется необходимость не только потреблять, но и творить. Иными словами, то, что ранее было исключительно негативным, становится преимущественно позитивным, и гипермодерн меняет значение с минуса на плюс.

Британский теоретик культуры Алан Кирби тонко подмечает отсутствие принципиальной новизны гипермодернизма, так как концепция апеллирует к основным принципам модерна и продолжает в этом свете видоизмененный «гипертрофированный» дискурс постмодерна, а понятия постмодерна и гипермодерна становятся взаимозаменяемыми³². Наконец, метамодернизм пытается оспорить гипермодернизм именно в понимании Липовецкого, также не обнаруживая большой новизны в этой концепции. Гипермодерн лишь радикализует постмодерн вместо того, чтобы его реструктурировать³³.

Заключение

И все же, несмотря на оправданную критику гипермодерна, некоторые французские авторы активно используют понятие Липовецкого с 2005 года. Так, социолог Саймон Готчалк называет нескольких авторов (Николь Обер, Франсуа Ашер, Жан Курну, Винсент де Гауляк и Жиль Липовецкий), чтобы заявить, что, хотя значения префикса «гипер» разные, эти авторы согласны с некоторыми из его ключевых аспектов. В частности, ученые зафиксировали избытки в таких разнообразных областях, как индивидуализм, инновации, информация, риски, конкуренция, общение и потребление³⁴.

Готчалк ссылается на Николь Обер, которая различает постмодерн и гипермодерн, описывая последний через опыт интенсивности, мгновенности, срочности моментального удовлетворения и избытка. Как она объясняет, «заменив его (постмодернизм. – А.П.) термином “гипермодернизм”, мы подчеркиваем тот факт, что общество, в котором живут современные люди, изменилось»³⁵. Гипермодернизм делает акцент не на разрыв с основами современности, а на ее обострение. Обер пытается эксплицировать предложенный Липовецким анализ современного общества на область психологии и показать, с какими патологиями и психическими расстройствами сталкивается человек гипермодерна³⁶.

В итоге она, с одной стороны, начинает рассуждать о телесности (возникновение таких расстройств, как анорексия и булимия, нарушение психической стабильности), а с другой – приходит к выводам об избытке. И хотя Готчалк и его соавторы отчаянно пытаются развивать «социологию гипермодернизма», основываясь на разработках французских теоретиков, очевидно, что теория далека от того, чтобы стать популярной, а сам гипермодернизм по сути продолжает логику постмодерна во всех аспектах – начиная с телесности и заканчивая состоянием культуры. Остается признать, что ни

³² Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N. Y., 2009. P. 43.

³³ Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 3.

³⁴ Vannini P., Waskul D., Gottschalk S. The Senses in Self, Society, and Culture. A Sociology of the Senses. N. Y.; L., 2011. P. 154.

³⁵ Aubert N. Un individu paradoxal // L'Individu Hypermoderne. Paris, 2005. P. 14–15.

³⁶ Aubert N. Violence du temps et pathologies hypermodernes // Cliniques méditerranéennes. 2008. No. 78. P. 23–38.

термин, ни его содержательное наполнение не востребованы иными философами и культурологами, что делает гипермодернизм в лучшем случае слабой альтернативой постмодернизму³⁷.

Список литературы

- Андерсон П. Истоки постмодерна / Пер. с англ. А. Апполонова. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
- Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / Пер. с фр. И. Окунева. М.: Гнозис, 2002. 192 с.
- Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Пер. с фр. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
- Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и ее судьба в современном обществе / Пер. с фр. Ю. Розенберга. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
- Митрофанова А. Киборг как код новой онтологии. Политические и эпистемологические аспекты гибридных тел // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 109–128.
- Найт П. Культура заговора / Пер. с англ. Т. Давыдовой. М.: Ультракультура 2.0, 2010. 381 с.
- Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / Пер. с фр. А. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
- Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28. № 6. С. 1–19.
- Рутцгер Д. Современные социологические теории / Пер. с англ. А. Лазарева. СПб.: Питер, 2002. 560 с.
- Armitage J. Introduction // Paul Virilio: From Modernism to Hypermodernism and Beyond / Ed. by J. Armitage. L.; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications Ltd, 2000. P. 1–23.
- Armitage J. From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An Interview with Paul Virilio // Paul Virilio: From Modernism to Hypermodernism and Beyond / Ed. by J. Armitage. L.; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications Ltd, 2000. P. 25–55.
- Armitage J. Virilio and the Media. L.: Polity, 2012. 160 p.
- Armitage J. Virilio for architects. N. Y.: Routledge, 2015. 144 p.
- Aubert N. Un individu paradoxal // L'Individu Hypermoderne / Sous la dir. de N. Aubert. Paris: Erès, 2005. P. 11–24.
- Aubert N. Violence du temps et pathologies hypermodernes // Cliniques méditerranéennes. 2008. No. 78. P. 23–38.
- Augé M. Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité. Seuil: La Librairie du XXe siècle, 1992. 160 p.
- Foster H. Postmodernism: A Preface // The Anti-aesthetic: Essays on postmodern culture / Ed. by H. Foster. Port Townsend, 1983. P. ix – xvi.
- Gottschalk S. The Terminal Self: Everyday Life in Hypermodern Times. N. Y.; L.: Routledge, 2018. 146 p.
- Hutcheon L. The Politics of Postmodernism. N. Y.; L.: Routledge, 2002. 232 p.
- Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. N. Y.: Continuum, 2009. 282 p.
- Kroker A., Cook D. The Postmodern Scene. Excremental Culture and Hyper-Aesthetics. Montreal: New World Perspectives, 1986. 320 p.
- Kroker A., Kroker M. Theses on the Disappearing Body in the Hyper-Modern Condition // Body Invaders. Sexuality and the Postmodern Condition / Ed. by A. Kroker, M. Kroker. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; L.: Macmillan Education UK, 1988. P. 20–34.
- Lipovetsky G. Time Against Time, or The Hypermodern Society // Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century /

³⁷ Vannini P., Waskul D., Gottschalk S. Op. cit. То, что концепции придерживается именно Готтшальк, говорит и то, что в 2018 году он выпустил книгу о «временах гипермодерна»: Gottschalk S. The Terminal Self: Everyday Life in Hypermodern Times. N. Y.; L., 2018.

Ed. by D. Rudrum, N. Stavris. N. Y.; L.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2015. P. 191–208.

Lipovetsky G. On Artistic Capitalism // *Crash Magazine*. 2018. January. No. 65. URL: <http://www.crash.fr/on-artistic-capitalism-by-gilles-lipovetsky-crash-65/> (дата обращения: 16.01.2018).

Lipovetsky G., Serroy J. L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste. Paris: Gallimard, 2014. 493 p.

Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / Ed. by D. Rudrum, N. Stavris. N. Y.; L.; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2015. 402 p.

Vannini P., Waskul D., Gottschalk S. The Senses in Self, Society, and Culture. A Sociology of the Senses. N. Y.; L.: Routledge, 2011. 189 p.

Varga I. The Body – The New Sacred? The Body in Hypermodernity // *Current Sociology*. 2005. Vol. 53(2). P. 209–235.

Virilio P. Speed & Politics: An Essay on Dromology. N. Y.: Semiotext(e), 1986. 162 p.

Virilio now: current perspectives in Virilio studies / Ed. by J. Armitage. Cambridge: Polity, 2011. 232 p.

Images of modernity in the 21st century: hypermodernism

Alexander V. Pavlov

National Research University "Higher School of Economics". 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: apavlov@hse.ru. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Moscow, Russian Federation; e-mail: ale-pavlov@yandex.ru

Within the socio-philosophical and cultural trend, usually referred to with the umbrella term "post-postmodernism", there exist several conceptions, which offer a language that describes the new epoch. The so-called "hypermodernism" turned out to be one of the most demanded versions of post-postmodernism. Using historical and philosophical methodology, critical analysis, contextualism, as well as the methodology of contemporary social theory and theory of culture, the author identifies the goal of the paper in determining whether the social theory of hypermodernism can be an adequate alternative to postmodernism. To accomplish this goal the author considers three versions of hypermodernism in the order of their chronological appearance, conducts a comparative analysis of each of them (since "hypermodernism" was understood in different ways at different times) and, finally, critically examines the most popular concept of hypermodernism. The first version of hypermodernism was proposed by two Canadian political theorists, Arthur Kroker and David Cook, who understood it as an alternative to postmodernism in the mid-1980's. Under the influence of the ideas of Jean Baudrillard, they focused their attention on the transformations of aesthetics in the new era (hyper-aesthetics of "excrements" against anti-aesthetics of postmodern). Later Arthur Kroker and Marilouise Kroker used the term "hypermodernism" in the context of "Theses on the Disappearing Body in the Hyper-Modern Condition". The second version proposed by a British media theorist John Armitage attempted to describe the "dromology" of the French social philosopher Paul Virilio as "hypermodernistic". However, neither the first nor the second concept of hypermodernism became popular. The third and most popular version of the "time of hypermodern" (hyperindividualism and hyper-consumerism) was the theory of the French social philosopher Gilles Lipovetsky. His understanding of hypermodernism is developed today by a number of sociologists in France and even in the English-speaking world. However, even this version of hypermodernism did not gain a wide enough influence. The author concludes that hypermodernism is a "weak alternative" to postmodernism.

Keywords: postmodern, postpostmodernism, hypermodernism, hyperreality, philosophy of culture, social philosophy, body, Gilles Lipovetsky

For citation: Pavlov, A. V. "Obrazy sovremennosti v XXI veke: gipermodernizm" [Images of modernity in the 21st century: hypermodernism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 20–33. (In Russian)

References

Anderson, P. *Istoki postmoderna* [The Origins of Postmodernity], trans. by A. Appolonov. Moscow: Territoria budushchego Publ., 2011. 208 pp. (In Russian)

Armitage, J. "Introduction", *Paul Virilio: From Modernism to Hypermodernism and Beyond*, ed. by J. Armitage. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications Ltd, 2000, pp. 1–23.

Armitage, J. "From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An Interview with Paul Virilio", *Paul Virilio: From Modernism to Hypermodernism and Beyond*, ed. by J. Armitage. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications Ltd, 2000, pp. 25–55.

Armitage, J. (ed.) *Virilio now: current perspectives in Virilio studies*. Cambridge: Polity, 2011. 232 pp.

Armitage, J. *Virilio and the Media*. London: Polity, 2012. 160 pp.

Armitage, J. *Virilio for architects*. New York: Routledge, 2015. 144 pp.

Aubert, N. "Un individu paradoxal", *L'Individu Hypermoderne*, sous la dir. de N. Aubert. Paris: Erès, 2005, pp. 11–24.

Aubert, N. "Violence du temps et pathologies hypermodernes", *Cliniques méditerranéennes*, 2008, No. 78, pp. 23–38.

Augé, M. *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Seuil: La Librairie du XXe siècle, 1992. 160 pp.

Augé, M. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiiu gipermoderna* [Non-places: introduction to an anthropology of supermodernity], trans. by A. Konnov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 136 pp. (In Russian)

Foster, H. "Postmodernism: A Preface", *The Anti-aesthetic: Essays on postmodern culture*, ed. by H. Foster. Port Townsend, 1983, pp. ix – xvi.

Gottschalk, S. *The Terminal Self: Everyday Life in Hypermodern Times*. New York; London: Routledge, 2018. 146 pp.

Hutcheon, L. *The Politics of Postmodernism*. New York; London: Routledge, 2002. 232 pp.

Kirby, A. *Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York: Continuum, 2009. 282 pp.

Knight, P. *Kul'tura zagovora* [Conspiracy Culture], trans. by T. Davydova. Moscow: Ul'trakul'tura 2.0 Publ., 2010. 381 pp. (In Russian)

Kroker, A. & Cook, D. *The Postmodern Scene. Excremental Culture and Hyper-Aesthetics*. Montreal: New World Perspectives, 1986. 320 pp.

Kroker, A. & Kroker, M. "Theses on the Disappearing Body in the Hyper-Modern Condition", *Body Invaders. Sexuality and the Postmodern Condition*, ed. by A. Kroker and M. Kroker. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; London: Macmillan Education UK, 1988, pp. 20–34.

Lipovetsky, G. *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [The Era of Emptiness: Essays on Contemporary Individualism], trans. by V. Kuznetsov. St.Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2001. 336 pp. (In Russian)

Lipovetsky, G. *Imperiya efemernogo. Moda i ee sud'ba v sovremennom obshchestve* [The Empire of Fashion: Dressing Modern Democracy], trans. by Yu. Rozenberg. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 336 pp. (In Russian)

Lipovetsky, G. "Time Against Time, or The Hypermodern Society", *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century*, ed. by D. Rudrum and N. Stavris. New York; London; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2015, pp. 191–208.

Lipovetsky, G. "On Artistic Capitalism", *Crash Magazine*, 2018, January, No. 65 [<http://www.crash.fr/on-artistic-capitalism-by-gilles-lipovetsky-crash-65/>, accessed on 16.01.2018].

Lipovetsky, G. et Serroy, J. *L'esthétisation du monde. Vivre à l'âge du capitalisme artiste*. Paris: Gallimard, 2014. 493 pp.

Mitrofanova, A. "Kiborg kak kod novoi ontologii. Politicheskie I epistemologicheskie aspekty gibridnyh tel" [The Cyborg as the Code of a New Ontology. Political and Epistemological Aspects of Hybrid Bodies], *Logos*, 2018. Vol. 28, No. 4, pp. 109–128. (In Russian)

Pavlov, A. V. "Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm" [Images of Modernity in the 21st Century: Metamodernism], *Logos*, 2018, Vol. 28, No. 6, pp. 1–19. (In Russian)

Ritzer, G. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Contemporary Sociological Theory], trans. by A. Lazarev. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 560 pp. (In Russian)

Rudrum, D. & Stavris, N. (eds.) *Supplanting the Postmodern. An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century*. New York; London; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2015. 402 pp.

Vannini, P., Waskul, D. & Gottschalk, S. *The Senses in Self, Society, and Culture. A Sociology of the Senses*. New York; London: Routledge, 2011. 189 pp.

Varga, I. "The Body – The New Sacred? The Body in Hypermodernity", *Current Sociology*, 2005, Vol. 53(2), pp. 209–235.

Virilio, P. *Speed & Politics: An Essay on Dromology*. New York: Semiotext(e), 1986. 162 pp.

Virilio, P. *Informatsionnaya bomba. Strategiya obmana* [The Information Bomb. Strategy of Deception], trans. by I. Okunev. Moscow: Gnozis Publ., 2002. 192 pp. (In Russian)